

В. А. Шаламов

«Миф Эльзы Брендстрём» и его влияние на историю военнопленных стран Четверного союза в России

Для исследователей, которые занимаются изучением Первой мировой и Гражданской войн, имя Эльзы Брендстрём (Elsa Brändström), конечно, знакомо. В первую очередь к свидетельствам шведской сестры милосердия обращаются те, кто исследует историю пленных стран Четверного союза в России. В научно-популярных и околонаучных изданиях сложилась своеобразная традиция писать о Брендстрём только в положительном ключе. При этом на втором плане формируется негативный образ России. Эльза выступает героем, военнопленные — жертвой, а Россия — в образе антигероя. Постепенно такая точка зрения укрепляется и в более серьезной литературе, что может исказить представление как о самой Эльзе Брендстрём, так и о проблематике плена. Стремление доказать героизм сестры милосердия заставляет авторов демонстрировать тяжелое положение жертвы. Фактический материал тем временем черпается из источников, сформированных в ближайшем круге Брендстрём, отличающемся германофилией и русофобией. Автоматически страдает образ России, в пределах которой военнопленные испытали все превратности неволи, — неизбежно демонизируется, приобретает негативный оттенок. В нашем исследовании предпринимается попытка разобраться в обстоятельствах складывания «мифа Брендстрём», а также в его последствиях.

Эльза Брендстрём родилась в 1888 г. в Санкт-Петербурге в семье шведского военного атташе генерал-лейтенанта Эдварда Брендстрёма и его супруги Анны Вильгельмины Эсхельсон. Спустя три года они покинули Россию.

Шаламов Владимир Александрович
канд. ист. наук,
доц., Иркутский
государственный
университет
(Иркутск, Россия)

Росла и воспитывалась Эльза в Швеции. В 1906 г. ее отец был назначен полномочным посланником Швеции в России. Юная Эльза в это время училась в педагогическом колледже в Стокгольме, который окончила в 1908 г. В том же году она уехала к родителям в российскую столицу. Генерал Э. Брендстрём занимал твердые прогерманские позиции и не жаловал русских¹. Вероятно, русофобские взгляды Эльза восприняла от отца.

В доме шведского посланника радушно принимали известных дипломатов, сановников, ученых и промышленников, а также представителей шведской колонии. Со смертью А. Эсхельсон в 1913 г. многие представительские обязанности перешли к ее дочери. Эльза обзавелась полезными знакомствами, которые расширяли ее представление о стране пребывания. Отметим, что с самого приезда она включилась в благотворительную деятельность, что позволяло видеть быт и нравы малообеспеченных слоев населения². Все перечисленное давало возможность дочери шведского посланника получить разносторонние представления о России. Неосведомленной ее назвать сложно.

Когда началась Первая мировая война, Эльза Брендстрём вместе с Этель фон Хейденстам (женой советника шведского посольства) поступила на курсы сестер милосердия военного времени при общине Святого Георгия. В это время члены шведской диаспоры в Санкт-Петербурге открыли на собранные средства лазарет для раненых русских солдат. В нем и начали работать обе шведки после успешного окончания курсов. Позднее они были привлечены к служению в Николаевском военном госпитале. Эльза вступила в Шведский Красный Крест³.

Осенью 1914 г. в госпиталь впервые поступили германские пленные. Шведских сестер милосердия возмутила недостаточная забота о них. С этого времени Э. Брендстрём посвятила себя оказанию помощи военнопленным Четверного союза. Ее самоотверженность не вызывает никакого сомнения. Она практически бесценно пять с половиной лет работала на этом поприще. Используя свое влияние, собирала средства для приобретения одежды, обуви, медикаментов для пленных, отправляемых в отдаленные лагеря⁴.

К концу 1915 г. по всей стране вспыхнула эпидемия тифа. Особенно сильно она сказалась на военнопленных, которые содержались в условиях большой скученности. Эпидемия обострила существовавшие ранее проблемы с размещением, питанием, обмундированием, медицинским обеспечением и т. д. Из Германии доходили сведения о жестоких наказаниях русских военнопленных, отказе в медицинской помощи, сокращении пайка и т. д. Все это вызывало ответные меры. Чтобы помочь германским военнопленным, неравнодушные представители общественности пытались через Международный Красный Крест найти выход из создавшегося положения⁵.

Нужно сказать, что в этой ситуации определенные плюсы от своего нейтралитета получала Швеция, поскольку через ее посредничество совершались все торговые операции и решались дипломатические вопросы немцев, разбросанных по всему миру. Отсюда и прогерманские настроения. С начала войны организации Красного Креста скандинавских стран стали получать запросы от жителей воюющих государств о переводе материальных средств для оказания

помощи родственникам, оказавшимся в плену. В июне 1915 г. в Стокгольме с этой целью был организован Комитет помощи военнопленным Шведского Красного Креста. Вскоре к этой организации стали обращаться Германия, Австро-Венгрия и Россия. Не без трений, но все же удалось договориться о принципах помощи. Шведские посреднические услуги оплачивались соответствующими странами. Для работы в России было назначено 77 шведов, в их числе и Э. Брендстрём. Первый поезд с посылками для военнопленных отбыл из Германии в октябре 1915 г. и через месяц прибыл в Иркутск⁶.

Отметим, что Эльза сопровождала в 1915 г. первые транспорты с инвалидами, которыми обменялись воюющие государства. Воспользовавшись дипломатическими связями своего отца, она смогла лично встретиться с императрицами Германии и Австро-Венгрии и, вероятно, в свойственной ей манере тенденциозно описала ужасное положение военнопленных в России. В Германии и Австро-Венгрии с успехом прошли сборы вещей для соотечественников, находящихся в плену. Кроме того, были выделены значительные средства из казны. Благодаря этому удалось сформировать 41 состав (1016 вагонов) с посылками, распределенными по всем лагерям в России⁷.

Эльза Брендстрём посетила большинство лагерей Сибири и Дальнего Востока. В составе делегации Шведского Красного Креста кроме нее было полтора десятка общественных деятелей. Российские власти небезосновательно подозревали их в шпионаже в пользу противника. Такие исследователи, как Л. В. Ланник, А. И. Чащин, Георг Вурцер (Georg Wurzer) приводят многочисленные факты нарушения шведскими делегатами принципа нейтралитета. Чаще всего упоминаются Густав Гальстрем и Отто (Петр) Ионассон⁸. Подобные сведения содержатся и в секретных бумагах Иркутского жандармского управления за 1916 г., где, в частности, отмечается, что шведы собирают сведения о народных настроениях и боевом духе частей армии в тылу⁹. Доктор Г. Гальстрем вел оживленную переписку через посредство американского консульства с немцами, проживающими в США. В переписке часто фигурировала информация, поддерживающая боевой задор пленных¹⁰. Эльза явно была «своим человеком» в таком окружении, но не попала под пристальное внимание жандармов в силу того, что сосредоточилась на материальной стороне дела. Возможно, это было результатом продуманной стратегии, поскольку в случае провала под подозрение попадал шведский посланник, что могло осложнить отношения с этой страной.

Прибыв в Иркутск, Брендстрём узнала о масштабной эпидемии тифа в станции Сретенской, где размещалось 11 тыс. пленных. Накануне Рождества 1915 г. она с Этель фон Хейденстам приехала в Сретенск, где, по ее словам, застала ужасную картину: администрация не действовала, люди находились без воды, отсутствовали медикаменты и медицинская помощь. Конец главы из сочинения Брендстрём, посвященной Сретенску, представляет серию душеспасительных фраз, услышанных ею в лагере: «Сколько сверхчеловеческого встречалось на каждом шагу! В углу лежал молодой человек: ни одно домашнее животное во дворе его отца не погибло в грязи, как он. “Передай привет моей матери, но никогда не говори ей о страданиях, в которых я умираю!” — была

его последняя просьба. Отец семейства, до конца сопротивлявшийся смерти, сдался. Его последние мысли были о жене и ребенке. С губ слетела фраза: «Пусть существование не будет для них слишком трудным. Я бы хотел выжить, чтобы позаботиться о них». Другой пленник незадолго до смерти записал в дневнике: «И ночь боли грозит полностью захватить мою жизнь, безумный солнечный свет не хочет покидать мое сердце». На каждом шагу встречалась борьба между молодой жизнью и преждевременной смертью...»¹¹. В целом создается впечатление, будто все население лагеря вымерло от тифа. В известной биографии шведской сестры милосердия, подготовленной немецкими исследователями Эдуардом Юлем (Eduard Juhl), Маргарете Клянте (Margarete Klante) и Херттой Эпштейн (Herta Epstein), есть фрагмент, усиливающий воспоминания 1922 г. Особенно бросается в глаза полная неспособность русских врачей организовать помощь: «Здоровенного роста врач со слезами на глазах разводил руками, как без медикаментов, кроватей, посуды, что-то можно было здесь предпринимать... Врач безрезультатно просил выделить для больных соседний пустой барак...»¹². Зато сама Эльза фигурирует в качестве неутомимого героя в лучших традициях классической литературы, хотя она была всего лишь сестрой милосердия.

Краевед А. И. Чащин, изучая историю лагеря военнопленных в Сретенске, указывает на несоответствие сведений, приведенных в вышеуказанной биографии с архивными материалами. Обвинения в бездействии русской администрации блестяще парируются архивными данными лагерной документации, что позволило автору сделать следующий вывод: «Факты, приведенные в книге... на мой взгляд, по меньшей мере, сильно преувеличены, искажены и приукрашены, и с ними нельзя согласиться в полной мере»¹³. С мнением А. Чащина солидарны исследователи из Иркутска А. В. Ануфриев и Д. В. Козлов. В своей публикации они привели многочисленные архивные документы, убедительно доказывающие сильное искажение реальной картины в воспоминаниях Э. Брендстрём, по крайней мере, при описании ситуации в лагере в Сретенске. Авторы подтвердили факты реакции медицинских служб на эпидемию тифа зимой 1915/16 г. Описали условия содержания военнопленных, которые мало отличались от условий жизни солдат русской императорской армии. Процент смертности составил 22%. Это высокий показатель, но его нельзя назвать беспрецедентным. К примеру, в Чите во время эпидемий 1919/20 г. в зависимости от месяца смертность от сыпного тифа, по неполным данным, составляла от 2 до 24%. Реальная картина была несколько хуже. При этом стоит учесть, что речь идет о гражданском населении, находившемся в более благоприятных условиях, нежели военнопленные¹⁴. Ситуацию можно назвать серьезной, но не катастрофической. Вызвана она была не бездеятельностью русской администрации, а объективными обстоятельствами военного времени.

Во второй половине 1917 г. Брендстрём совершает вторую поездку в Сибирь. Она отмечает значительные улучшения в содержании военнопленных, которые всецело приписывает деятельности иностранных миссий в России¹⁵. В общем, это было «болезнью» всех благотворительных организаций того времени. Каждая из них стремилась всячески превознести свою деятельность,

продемонстрировать свою значимость, чтобы добиться новых жертвований.

Вместе с тем Эльза знала жизнь России изнутри и понимала настоящие причины неудовлетворительного положения военнопленных, но предпочла умолчать об этом. В случае «объективного исследования» она должна была объяснить европейскому читателю сложившееся положение. К примеру, что в России у медперсонала высоко ставилось понятие человеколюбия. Недостаточная помощь была спровоцирована самой войной. Россия отставала от Германии по числу медицинских кадров. В провинции не хватало медработников, так как 60 % из них были на фронте. Отсюда проблема выделения кадров для пленнх. В стране практически не было фарминдустрии. Все необходимое импортировалось преимущественно из Германии, что неизбежно сказалось в том числе на лечении военнопленных. По плану мобилизации предполагалось в тылу для раненых создать всего лишь 44 тыс. коек. За годы войны только ранеными императорская армия потеряла 3,7 млн чел. и больными 5,5 млн чел.¹⁶ Такое число коек было явно недостаточным. К тому же они еще не были оборудованы. Началась лихорадочная работа. То, что описывает Брендстрём, относится как раз к начальному периоду войны, когда Земство, Союз городов, общественные организации делали все возможное для открытия новых больниц и лазаретов. Мобилизация миллионов крестьян сказалась на продовольственном обеспечении городов. Все это отразилось на положении военнопленных. Однако Брендстрём предпочла об этом не упоминать. Без указанного компонента у читателя создается впечатление о преступном отношении русских к военнопленным, сознательном создании невыносимых условий их существования.

С началом Гражданской войны репатриация военнопленных была отложена. Сведения о состоянии лагерей в Сибири доходили самые противоречивые. В июле 1918 г. Эльза по просьбе германской стороны и с разрешения Л. Д. Троцкого отправляется через линию фронта в составе шведско-датской делегации, чтобы оказать помощь пленным. Путь из Москвы до Омска занял полтора месяца. Союзники по Антанте, а также белые правительства в Сибири отказались принимать Брест-Литовский мир и продолжали воспринимать немцев как своих врагов. В силу этих причин шведская сестра милосердия подверглась аресту. Почти два месяца она провела в чешской контрразведке. И только благодаря личным связям в дипломатическом корпусе смогла освободиться. В Сибири она в основном пребывала в Омске и Красноярске. Верная себе, Брендстрём снова указывает на бедственное положение военнопленных, почти не упоминая о том, что местное население жило гораздо хуже¹⁷.

Необъективность и тенденциозность Э. Брендстрём отмечали также и представители комитетов Красного Креста других стран, знакомых с положением военнопленных. Так, глава миссии Датского Красного Креста К. А. Кофод писал о шведской сестре милосердия следующее: «Другой выдающейся личностью среди скандинавов, которые проводили зиму 1918–1919 годов в Омске, была шведская сестра Эльза Брендстрём... Она полностью владела искусством одним приветливым словом, одной улыбкой или пожатием руки штурмом взять

расстроенное расположение духа военнопленных. Она всей душой отдавалась работе так, как никогда не удавалось мне. Но в политическом отношении она была очень прогермански и антирусски настроенной...»¹⁸. Франко-швейцарский врач, представитель Международного комитета Красного Креста Жорж Монтандон (George Montandon) также упоминает Брендстрём в небольшом фрагменте своих мемуаров, посвященном пребыванию в Красноярске: «...мы оставили немного средств и повстречались с мисс Эльзой Брендстрём из Шведского Красного Креста, очень популярной среди пленных этого лагеря за ее преданность их делу и, вероятно, также за ее явную германофилию»¹⁹.

Представитель Карлтонского университета (Канада) Дженифер Энн Польк (Jennifer Ann Polk) в своей диссертации приводит переписку главы Сибирской миссии Канадского Красного Креста Джона Кларка за первую четверть 1919 г. В этот период встал вопрос об участии канадцев в организации помощи германским военнопленным. Вероятно, Брендстрём всеми силами стремилась вовлечь Канаду в эту работу. В письме от 23 марта 1919 г. Кларк пишет, что сведения о лагерях военнопленных, доставленные ему полковником Джоном Деннисом, неполноценны, поскольку поступили от «шведской медсестры Анны Бернструм» (так он называл Эльзу Брендстрём). Вероятно, Кларк хорошо знал цену высказываний этой дамы, поэтому ждал более весомых доказательств, которых предоставлено не было. Более того, по данным комиссий, выяснилось, что положение военнопленных бедственным назвать было сложно, за исключением нескольких инцидентов, особо не менявших общую картину, что подтверждает выводы А. В. Ануфриева, Д. В. Козлова и А. И. Чашина. Канадцев больше беспокоило бедственное положение пленных большевиков и переселенцев, которые действительно находились в удручающем состоянии. Дж. Кларк отчетливо демонстрирует методы манипулирования, применяемые шведкой. Так, накануне званого обеда у главы британской миссии А. Нокса он встретился с Эльзой во время ужина в поезде, о чем оставил следующую запись: «Я разговаривал с леди Бернструм прошлой ночью. Она поужинала в поезде, и когда узнала, что я в самом деле посетил и осмотрел такое большое количество лагерей и пленных, изящно вывернулась и сказала, что условия “значительно улучшились” в течение зимы. Так что не было к чему придраться. Она очень обаятельная женщина, и ей не составит труда загипнотизировать людей, чтобы они поверили во все эти ужасные истории, не увидев их собственными глазами. Тем не менее у меня была [достоверная] информация, прежде чем она смогла меня подставить»²⁰. Не подвергая сомнениям трудолюбие Э. Брендстрём и ее стремление оказать помощь германским военнопленным, Дж. Польк в своем исследовании показывает негативные стороны ее личности — изворотливость, лицемерие, русофобство.

При распределении обязанностей, Брендстрём взяла на себя обеспечение лагеря военнопленных в Красноярске. Лагеря в Сибири находились под присмотром чехословацких войск. Теперь Эльза сместила огонь критики с русской администрации на чешскую. Накануне свержения режима Колчака ей из Стокгольма, как и всем шведским делегатам, пришло распоряжение об эвакуации. Однако она проявила смелость и отказалась бросать пленников.

Вместе с ними пережила приход Красной армии. В Красноярске ее работа продолжалась до лета 1920 г. Тогда уже стало ясно, что скоро пройдет репатриация под флагом Международного Красного Креста. Сибирь Э. Брендстрём покинула после того, когда пришла телеграмма о тяжелой болезни отца²¹.

С возвращением домой она впала в депрессию, отчасти из-за бездействия, отчасти из-за болезни и смерти отца, последовавшей в ноябре 1921 г. Чтобы отвлечься, она решила обобщить свой опыт о войне и издать книгу о военнопленных. Выручка от ее продажи должна была пойти в фонд помощи бывшим военнопленным в Германии и Австрии, созданный Эльзой Брендстрём. Шведская сестра милосердия полностью окунулась в работу. Необходимо было решить сложную задачу. Замысел труда предполагал, подготовку издания с обобщенными данными, что потребовало обращения в различные организации (Военное министерство и Министерство иностранных дел, Общество Красного Креста Германии, Австрии и Чехии), а также к частным лицам. В результате впервые после войны удалось объединить всю доступную информацию о плене. Обилие конкретных данных создавало эффект объективного монографического исследования, но в то же время это были воспоминания автора. Само написание книги стало возможным благодаря многочисленным выступлениям Э. Брендстрём на различных площадках в Швеции, Германии и Австрии, организованных с благотворительной целью в пользу военнопленных и их семей. Во Введении Эльза писала, что книга призвана привлечь общественность к нуждам бывших военнопленных, способствовать благотворительности. Для того чтобы вызвать чувство сострадания, проще всего было продемонстрировать жертву. Ведь никто не будет помогать, если не видит в этом нужды. Несколько сгустив краски, она добивается нужного эффекта. О произвольном отношении Э. Бернстрём к некоторым источникам можно судить по ее высказываниям из переписки. Так, в 1921 г. она писала бывшему суперинтенданту по делам военнопленных Австро-Венгрии Генриху фон Раабль-Вернеру, что после подборки такого большого материала, не может быть уверена в источниках некоторых из своих заявлений, «поскольку все смешалось воедино»²². Вероятно, в силу этого в ее работе отсутствует научно-справочный аппарат, позволяющий верифицировать приведенные ей факты.

В начале книги Э. Бернстрём характеризует Россию как страну плена. При этом акцент сделан на описании этнических групп, входивших в состав империи. К примеру, «русский, — согласно ее мнению, — добродушный, импульсивный человек, часто оказывающийся в плену своих чувств, невзирая на долг и здравомыслие...». Особо останавливается на тех народах, которые находились в сфере влияния Германии. Так, среди прочего о прибалтах она пишет: «При выборе между обязательствами перед Россией и любовью к немецким собратьям преобладало германское чувство долга...»²³. Анализ текста дает нам возможность утверждать, что она была сторонником идеологического клише о безалаберности и воровстве русских и о порядочных и трудолюбивых немцах. Эта мысль многократно подтверждается на протяжении всего повествования.

Далее Брендстрём подробно описывает порядок прохождения немецких военнослужащих от пленения до прибытия в лагерь, акцентируя внимание на

медицинской составляющей. Цифры, которые она приводит, сложно подтвердить или опровергнуть в силу того, что из-за крушения государственности и Гражданской войны часть документации утеряна. Это позволяет ей превращать отдельные факты в тенденции. Она односторонне смотрит на ситуацию. Большая часть текста выстроена в обтекаемой форме, но, неизменно, после прочтения каждой главы остается ощущение морального превосходства немцев. Любые действия русских властей оцениваются негативно. Положительные примеры никак не связаны с функционированием русской администрации.

Автор вспоминает о борьбе с русскими бюрократами, бедственном положении пленных (отсутствии предметов первой необходимости, недостаточной медицинской помощи и т. д.) и нежелании администрации помочь им. При этом общую картину дополняет описание самых ужасных ситуаций (Тоцкое, Омск, Сретенск, Красноярск)²⁴. Создается впечатление, будто жестокосердные русские бюрократы специально морят добропорядочных немецких пленных в лагерях. Об этом не говорится прямо, но следует из контекста. В какой-то степени это объяснимо. В проигравшей Германии были сильны реваншистские идеи. Лекции, где все объяснялось бы объективными причинами, вряд ли заинтересовали бы слушателей. Поэтому, выступая перед аудиторией, Брендстрём непременно сгущала краски, приводя несколько ужасных примеров, а в завершении обязательно, как формулу, вставляла фразу о вере в возрождении Германии²⁵. Именно эти выступления создали ей славу, а с легкой руки журналистов ее стали называть «Сибирским ангелом».

Израильский историк Ирис Рачамимов (Iris Rachamimov), размышляя о феномене «мифа Брендстрём», считает, что ее успех был построен на гендерном конфликте. Среди приезжающих в Россию с инспекциями сестер милосердия преобладали «женщины-генералы», т. е. представительницы аристократических домов Европы, что вызывало неприятие их мужским сообществом, поскольку это не соответствовало привычному/типичному образу женщины. Эльза же сконцентрировалась на материальной помощи, что было близко к идеализированному типу сестер милосердия XIX в., знакомому европейцам того времени (некая отсылка к образам известных благотворительниц и сестер милосердия Флоренс Найтингейл и Кейт Марсден)²⁶.

Любопытно, что Россию в межвоенный период воспринимали по произведениям Эльзы Брендстрём и Эдвина Двингера (Edwin Dwinger). Последний во время Первой мировой войны был в плену в России, что нашло отражение в автобиографических романах «Армия за колючей проволокой», «Между красными и белыми» и др. Упомянувшийся выше историк Г. Вурцер отметил, что целые фрагменты его произведений являются всего лишь перефразированными кусками текста из книги Эльзы Брендстрём²⁷. В «Армии за колючей проволокой» Э. Двингер даже воспроизвел эпизод приезда Э. Брендстрём в лагерь военнопленных в Иркутске²⁸. Поэтому в романах Двингера Россия представляется страной ужаса, неразберихи и беспорядка. Таким образом, шведская сестра милосердия оказала влияние на формирование образа России и русских на целое поколение европейских читателей.

Собранные Э. Брендстрём материалы о военном плене в России позднее были отданы ею в распоряжение доктора истории Маргарете Клянте, бывшей сотруднице управления военнопленными при Военном министерстве Пруссии. На основе этих материалов, а также личных бесед между женщинами в 1962 г. М. Клянте в соавторстве с Э. Юлем и Х. Эпштейн издает биографическую книгу о жизненном пути нашей героини. Работа получилась также не свободной от стороннего влияния. Она буквально пронизана благоговением перед этой известной женщиной. Сказались и личные пристрастия авторов, в частности некоторая религиозная философия пастора Э. Юля²⁹. Что касается судьбы документов Э. Брендстрём, то М. Клянте передала их в Рейхсархив для формирования личного фонда. К сожалению, документы сильно пострадали в годы Второй мировой войны³⁰.

В последующие годы Э. Брендстрём посвящает себя благотворительности. Она много путешествует, читает лекции, доходы с которых идут в пользу бывших военнопленных. Открывается специальное учреждение, где обучают ремеслам тех из них, кто не смог самостоятельно вернуться к мирному труду. В 1923 г. Эльза с лекционным туром девять месяцев колесила по США. На собранные деньги был открыт приют для детей военнопленных³¹. У многих бывших военнопленных возникли трудности с адаптацией в послевоенной Германии. Тогда появилась идея поселения их в Сибири. С этой целью Э. Брендстрём совместно с доктором медицины Анной Роте в 1929 г. совершили поездку по Сибири в качестве членов Международного общества по культурным связям³². Поездка убедила Эльзу в нереальности проекта переселения.

В эти же годы она вышла замуж за профессора Роберта Улича. После прихода к власти фашистов супруги вместе с дочерью Бритой перебралась в США, поскольку Улич не одобрял политики нацистов. Эльза продолжала свою благотворительную деятельность и в Америке, помогая немецким мигрантам устроиться на новом месте. Умерла в 1948 г. в Кембридже (штат Массачусетс) от рака костей³³.

Во время складывания «мифа о Брендстрём» в западном научном сообществе не появилось какого-либо противодействия и критического осмысления изданий и выступлений, связанных с ее деятельностью. Напротив, реваншистские идеи в Германии, особенно после установления режима Третьего рейха, способствовали популярности ее публикаций. В России еще в годы Первой мировой войны были изданы мемуары и отчеты лиц, контактировавших с русскими военнопленными в лагерях Центральных держав. Для примера можно назвать публикации П. А. Казем-Бек, А. В. Тарасевич, Е. М. Шуберской³⁴. Данные работы во многом сходны с книгой Брендстрём. Думается, не будь Октябрьской революции, шведской сестре милосердия со стороны российской общественности ответили бы вполне обоснованными претензиями, поскольку пребывание русских в германском плену было ничуть не лучше. Все ужасы, описанные ею в отношении германских военнопленных, повторяются в российских изданиях в отношении пленных из России, о чем Эльза, конечно, благоразумно не упоминала.

Однако история не знает сослагательного наклонения. После Октябрьской революции в отечественной историографии стала господствовать так называемая школа Покровского. Первая мировая война была названа империалистической и чуждой интересам трудового народа. Военнопленные же рассматривались и оценивались через призму их участия в событиях Гражданской войны. Книга Брендстрём в этих условиях являлась подтверждением антинародной политики царского самодержавия, заставлявшего трудовой народ умирать на фронте своих братьев по классу. Несмотря на то что в 1930-е гг. школа Покровского была разгромлена, книга Брендстрём не потеряла актуальности. На сегодняшний день в российской историографии так и не произошло кардинального сдвига, несмотря на наличие противоречий.

За рубежом длительное время труд Э. Брендстрём считался надежным источником. До сих пор эта точка зрения превалирует. К примеру, израильский историк Алон Рачамимов (Alon Rachamimov) в своей докторской диссертации пишет, что данная книга — «авторитетное, трезвое изображение тяжелого положения военнопленных и огромных трудностей в организации эффективных усилий по оказанию помощи»³⁵. Во многом это можно объяснить тем, что А. Рачамимов через публикации Брендстрём изучает историю повседневности военнопленных. Его мало заботит историческая достоверность конкретных цифр и фактов изучаемого труда. Отсюда вполне понятные выводы.

Вместе с тем в западной научной литературе сложилось и критическое направление. Например, в докторской диссертации Г. Вурцера находим ряд основательных замечаний. Он пытается верифицировать информацию делегатки Шведского Красного Креста. Приводит целый ряд неточностей в ее книге, сопоставляя эту информацию с данными российских, германских и австрийских архивов, а также воспоминаний военнопленных. Перекрестный метод позволяет утверждать, что Эльза несколько сгустила краски, описывая условия жизни пленников (отопление, освещение, жилая площадь, питание, медицинское обслуживание) в лагерях в Березовке, Нижнеудинске, Томске и др. Вместе с тем он подтвердил, что нарушения условий содержания все же имелись, хотя и не носили масштабный характер. Иными словами, Брендстрём частные негативные факты пыталась превратить в массовые, формируя негативный образ России³⁶.

Любопытное видение проблемы дает профессор Мэтью Стиббе (Matthew Stibbe). Он предлагает видеть в труде Брендстрём не монографию, а источник, стоящий на грани мемуарной и научной литературы. Тем более что в переписке с пастором Э. Юлем она сама отмечала, что стремится создать не научную работу, а «памятник коллективным усилиям военнопленных в России и Сибири»³⁷. Думается, что заключение М. Стиббе будет наиболее справедливым.

Итак, подводя итоги, отметим, что часто фигурирующая в современных изданиях, посвященных истории пленных Четверного союза в годы Первой мировой и Гражданской войн, Эльза Брендстрём действительно заслуживает внимания. Она в течение пяти с половиной лет сначала самостоятельно, а позднее в рамках Шведского Красного Креста помогала нуждающимся пленникам. Вместе с тем ее деятельность в России трудно назвать нейтральной.

Она, как и многие ее соотечественники, была германофилом. Ее книга «Среди военнопленных в России и Сибири 1914–1920 гг.» несет негативный посыл по отношению к России и предвзятую субъективную трактовку событий. Часть использованных ею материалов не подтверждаются при перекрестном рассмотрении проблемы. Имеется множество нестыковок, ошибок и погрешностей в фактическом материале. Критический подход к этой работе позволяет утверждать, что ее следует рассматривать не в качестве научного труда, а как издание, стоящее на грани научного и литературного творчества.

¹ *Stibbe M.* Elsa Brändström and the reintegration of returning prisoners of war and their families in post-war Germany and Austria // *Aftermaths of War: Women's Movements and Female Activists, 1918–1923*, ed. by I. Sharp & M. Stibbe. Leiden, 2011. P. 334.

² *Янгфельдт Б.* От варягов до Нобеля: Шведы на берегах Невы. М., 2010. С. 249–254.

³ Там же. С. 250.

⁴ *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914–1920. Berlin, 1922. S. 7.

⁵ *Повалишников С. Р., Захарова О. В.* Быт немецких военнопленных на территории Российской империи в годы Первой мировой войны (по материалам источников личного происхождения) // *Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина*. 2020. № 3 (68). С. 67–75. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.007>

⁶ *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen... S. 75–76.

⁷ *Stibbe M.* Elsa Brändström... P. 335.

⁸ *Ланник Л. В.* Начало интервенции на Дальнем Востоке в 1918 году через призму интересов Центральных держав // *Известия Лаборатории древних технологий*. 2021. Т. 17, № 1. С. 240–261. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261>; *Чащин А. И.* Сретенский лагерь военнопленных Первой мировой войны // *Хронограф: Забайкальский исторический журнал*. 2012. № 1. С. 73–77; *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg. Göttingen, 2005. S. 411–430.

⁹ Государственный архив Иркутской области (далее — ГАИО). Ф. 600. Оп. 1. Д. 1030. Л. 3.

¹⁰ ГАИО. Ф. 600. Оп. 1. Д. 1262. Л. 364.

¹¹ *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen... S. 42.

¹² *Juhl E., Klante M., Epstein H.* Elsa Brändström: Weg und Werk einer grossen Frau in Schweden, Sibirien, Deutschland, Amerika. Stuttgart, 1962. S. 260.

¹³ *Чащин А. И.* Сретенский лагерь... С. 64–67.

¹⁴ *Ануфриев А. В., Козлов Д. В.* В далеком сибирском плену (военнопленные Четверного союза в концентрационном лагере станции Сретенской) // *Регионы России в военной истории страны: материалы Межрегион. науч.-практ. конф., Йошкар-Ола, 20–21 ноября 2019 г.* Йошкар-Ола, 2020. С. 260–272; *Ишерский В.* Первая сышно-тифозная эпидемия в Чите и сопровождавшего ее возвратного тифа // *Медицинский журнал Забайкальского общества врачей*. 1923. № 5. С. 399–410.

¹⁵ *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen... S. 92–102.

¹⁶ *Гладких П. Ф.* Военная медицина императорской России в Первой мировой войне в 1914–1917 годы // *Медико-биологические и социально-психологические проблемы безопасности в чрезвычайных ситуациях*. 2017. № 2. С. 5–24.

¹⁷ *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen... S. 116–123.

¹⁸ *Кюфод К. А.* 50 лет в России (1878–1920). М., 1997. С. 290.

¹⁹ *Montandon G.* Deux ans chez Koltchak et chez les Bolchéviques pour la Croix-Rouge de Genève: (1919–1921). Paris, 1923. P. 42.

²⁰ *Polk J. A.* The Canadian Red Cross and Relief in Siberia, 1918–21: MA Dissertation / University of Carleton. Ottawa, 2004. P. 117–118.

- ²¹ *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen... S. 118–128.
- ²² *Stibbe M.* Elsa Brändström... P. 336–338.
- ²³ *Brändström E.* Unter Kriegsgefangenen... S. 1–4.
- ²⁴ Там же. S. 8–49.
- ²⁵ Berliner Tageblatt. 1926. 20 Feb.
- ²⁶ *Rachamimov I.* «Female Generals» and «Siberian Angels»: Aristocratic Nurses and the Austro-Hungarian POW Relief // *Gender and Wartime Violence in Twentieth-Century Eastern Europe* / ed. by N. Wingfield & M. Bucur. Bloomington, 2006. P. 23–46.
- ²⁷ *Wurzer G.* Die Literarische Verarbeitung des Kriegserlebnisses Edwin Erich Dwingers // *Quaestio Rossica*. 2014. № 1. P. 104.
- ²⁸ *Двингер Э.* Армия за колючей проволокой. Дневник немецкого военнопленного в России 1915–1918 гг. М., 2004. С. 196–199.
- ²⁹ *Juhl E., Klante M., Epstein H.* Elsa Brändström... 560 s.
- ³⁰ *Stibbe M.* Elsa Brändström... P. 338.
- ³¹ *Radauer L.* Brändström Elsa // 1914–1918-Online: International Encyclopedia of the First World War / eds U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, et al. <https://doi.org/10.15463/ie1418.10455>
- ³² Власть труда. 1929. 22 марта. С. 4.
- ³³ *Radauer L.* Brändström Elsa. <https://doi.org/10.15463/ie1418.10455>
- ³⁴ *Казем-Бек П. А.* Поездка по Германии во время войны русской сестры милосердия. С прибавлением извлечений из отчета по осмотру лагерей военнопленных. Пг., 1917; *Тарасевич А. В.* Отчет по обследованию лагерей и мест водворения русских военнопленных в Австрии и Венгрии. М., 1917; *Шуберская Е. М.* Дневник командировки в Германию для осмотра русских военнопленных в июле-октябре 1916 года. Пг., 1917.
- ³⁵ *Rachamimov A. P.* Marginalized Subjects: Austro-Hungarian POWs in Russia, 1914–1918: PhD Dissertation / Columbia University. NY, 2000. P. 7–8.
- ³⁶ *Wurzer G.* Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg: PhD Dissertation. Ehingen (Donau), 2000. S. 10–13, 46, 49, 79–81.
- ³⁷ *Stibbe M.* Elsa Brändström... P. 339.

Статья поступила в редакцию 30 декабря 2021 г.

Рекомендована к печати 21 августа 2022 г.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Шаламов В. А. «Миф Эльзы Брендстрём» и его влияние на историю военнопленных стран Четверного союза в России // *Новейшая история России*. 2022. Т. 12, № 4. С. 1049–1062. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.414>

Аннотация: В годы Первой мировой войны военнопленные стран Четверного союза были распределены по концентрационным лагерям на всем пространстве Российской империи. В первое время, в силу неподготовленности страны к приему такого большого числа пленников, условия их содержания были неудовлетворительными. Чтобы улучшить положение военнопленных, к ним на помощь приходят нейтральные организации. Наибольшую известность приобрела сестра милосердия Шведского Красного Креста Эльза Брендстрём, дочь шведского посланника в России, отличавшегося прогерманскими взглядами. За годы войны она приобрела чрезвычайную популярность в германской среде, благодаря своей неутомимой энергии, германофилии и русофобии. Когда началась Гражданская война на востоке России, Э. Брендстрём проехала через линию фронта с крупными средствами, предназначенными для помощи военнопленным. После возвращения на родину она с благотворительной целью опубликовала книгу, в которой обобщила весь свой опыт войны. Современники восприняли это издание в качестве основного источника по истории плена в России. Альтруизм Брендстрём и стремление помочь бывшим пленным и после войны создали вокруг нее миф святости и непогрешимости. Многочисленные публичные выступления и лекции укрепили ее авторитет. Отсутствие критического осмысления ее деятельности и ее публикаций породило иллюзию верности ее суждений. В конечном итоге это привело

к искажению истории пребывания военнопленных стран Четверного союза в России. На сегодняшний день российская и зарубежная историография накопила достаточный объем критических замечаний, чтобы рассмотреть, как складывался «миф Эльзы Брэндстрём» и какое влияние он оказал.

Ключевые слова: Красный Крест, Швеция, Первая мировая война, Гражданская война, Россия, военнопленные.

Сведения об авторе: Шаламов В. А. — канд. ист. наук, доц., Иркутский государственный университет (Иркутск, Россия); wladimir13x@ya.ru

Иркутский государственный университет, Россия, 664003, Иркутск, ул. К. Маркса, 1

FOR CITATION

Shalamov V.A. ‘The Myth of Elsa Brandström’ and its Influence on the History of Prisoners of War of the Countries of the Quadruple Alliance in Russia’, *Modern History of Russia*, vol. 12, no. 4, 2022, pp. 1049–1062. <https://doi.org/10.21638/spbu24.2022.414> (In Russian)

Abstract: During the First World War, prisoners of war from the countries of the Quadruple Alliance were distributed among concentration camps throughout the Russian Empire. At first, due to the country’s unpreparedness to receive such a large number of captives, their conditions of detention were unsatisfactory. Neutral organizations come to their aid. Elsa Brandstrom, a sister of mercy of the Swedish Red Cross, is best known. She was the daughter of a Swedish envoy to Russia, who was distinguished by pro-German views. During the war years, thanks to her tireless energy, germanophilia and russophobia, she gained extraordinary popularity in the German environment. When the civil war broke out in eastern Russia, Elsa Brandstrom drove across the front line with large funds intended to help prisoners of war. After returning to her homeland, she published a memoir for charitable purposes, in which she summarized all her experience of the war. Contemporaries perceived her book as the main source on the history of captivity in Russia. Her altruism and desire to help former prisoners and after the war created around her a myth of holiness and infallibility. Numerous public appearances and lectures have strengthened her credibility. The lack of critical understanding of her activities and her publications, as well as the lack of opposition from the Russian side, gave rise to the illusion of the correctness of her judgments. Ultimately, this led to a distortion of the history of the stay of prisoners of war of the countries of the Quadruple Alliance in Russia. To date, Russian and foreign historiography has accumulated a sufficient volume of criticism to consider how the “Elsa Brandstrom myth” was formed and what impact it had.

Keywords: Red Cross, Sweden, World War I, Civil War, Russia, POWs.

Author: Shalamov V.A. — PhD in History, Associate Professor, Irkutsk State University (Irkutsk, Russia); wladimir13x@ya.ru

Irkutsk State University, 1, ul. Karla Marksa, Irkutsk, 664003, Russia

References:

- Anufriyev A.V., Kozlov D.V. ‘In distant Siberian captivity (prisoners of war of the Quadruple Alliance in the concentration camp of the village of Sretenskaya)’ in *Regiony Rossii v voyennoi istorii strany: Materialy Mezhtseleynoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Yoshkar-Ola, 20–21 November 2019)* (Yoshkar-Ola, 2020). (In Russian)
- Brändström E. *Unter Kriegsgefangenen in Russland und Sibirien, 1914–1920* (Berlin, 1922).
- Chashchin A.I. ‘Sretensky camp of prisoners of war of the First World War’, *Khronograf: Zabaikalskii istoricheskii zhurnal*, no. 1, 2012. (In Russian)
- Dvinger E. *Army behind barbed wire. Diary of a German prisoner of war in Russia 1915–1918* (Moscow, 2004). (Rus. Ed.)
- Gladkikh P.F. ‘Military medicine of imperial Russia in the First World War in 1914–1917’, *Mediko-biologicheskie i sotsial’no-psikhologicheskie problemy bezopasnosti v chrezvychainykh situatsiiakh*, no. 2, 2017. (In Russian)
- Juhl E., Klante M., Epstein H. *Elsa Brändström: Weg und Werk einer grossen Frau in Schweden, Sibirien, Deutschland, Amerika* (Stuttgart, 1962).

- Kazem-Bek P. A. *A trip to Germany during the war of the Russian sister of mercy. With the addition of extracts from the report on the inspection of the POW camps* (Petrograd, 1917). (In Russian)
- Kofod K. A. *50 years in Russia (1878–1920)* (Moscow, 1997). (Rus. Ed.)
- Lannik L. V. 'The beginning of the intervention in the Far East in 1918 through the prism of the interests of the Central Powers', *Izvestiia Laboratorii drevnikh tekhnologii*, vol. 17, no. 1, 2021. <https://doi.org/10.21285/2415-8739-2021-1-240-261> (In Russian)
- Montandon G. *Deux ans chez Koltchak et chez les Bolchéviques pour la Croix-Rouge de Geneve (1919–1921)* (Paris, 1923).
- Polk J. A. *The Canadian Red Cross and Relief in Siberia, 1918–21* [M.A. Dissertation] (University of Carleton, 2004).
- Povalishnikova S. R., Zakharova O. V. 'Life of German prisoners of war on the territory of the Russian Empire during the First World War (based on personal sources)', *Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Yesenina*, no. 3 (68), 2020. <https://doi.org/10.37724/RSU.2020.68.3.007> (In Russian)
- Rachamimov A. P. *Marginalized Subjects: Austro-Hungarian POWs in Russia, 1914–1918* [PhD Dissertation] (Columbia University, 2000).
- Rachamimov I. "'Female Generals" and "Siberian Angels": Aristocratic Nurses and the Austro-Hungarian POW Relief' in *Gender and Wartime Violence in Twentieth-Century Eastern Europe*, eds N. Wingfield, M. Bucur (Bloomington, 2006).
- Radauer L. 'Brändström Elsa' in *1914–1918-Online. International Encyclopedia of the First World War*, eds U. Daniel, P. Gatrell, O. Janz, H. Jones, et al. <https://doi.org/10.15463/ie1418.10455>
- Shuberskaya Ye. M. *Diary of a business trip to Germany to inspect Russian prisoners of war in July-October 1916* (Petrograd, 1917). (In Russian)
- Stibbe M. 'Elsa Brändström and the reintegration of returning prisoners of war and their families in post-war Germany and Austria' in *Aftermaths of War: Women's Movements and Female Activists, 1918–1923*, eds I. Sharp, M. Stibbe (Leiden, 2011).
- Tarasevich A. V. *Report on the survey of camps and places of accommodation for Russian prisoners of war in Austria and Hungary* (Moscow, 1917). (In Russian)
- Wurzer G. *Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Russland im Ersten Weltkrieg* (Göttingen, 2005).
- Wurzer G. *Die Kriegsgefangenen der Mittelmächte in Rußland im Ersten Weltkrieg* [PhD Dissertation] (Ehingen — Donau, 2000).
- Wurzer G. 'Die Literarische Verarbeitung des Kriegserlebnisses Edwin Erich Dwingers', *Quaestio Rossica*, no. 1, 2014.
- Yangfeldt B. *From the Varangians to the Nobel: Swedes on the banks of the Neva* (Moscow, 2010). (Rus. Ed.)

Received: December 30, 2021

Accepted: August 21, 2022